

Хан Вэй обхватил руками талию Хань Вэньюя, чьи ноги продолжали яростно пинать воздух, словно работая веслами:

— Не держи меня! Я оторву эту пасть, чтобы она не несла чушь!

Му Ихэн отступил к самой стене, обливаясь холодным потом, и оцепенел:

— Я не вру, многие в моей прошлой школе знали об этом.

Ноги Хань Вэньюя крутились как пропеллеры, он продолжал неистово бить воздух:

— Если он любит мужчин, разве он сам об этом сказал? Вы, идиоты, сами решили это распространять? Я вам велел обсуждать это?

Му Ихэн, напуганный видом человека, желающего его убить, с плачущим лицом произнёс:

— Это не он говорил. Кажется, кто-то из его соседей по комнате перерыл его компьютер, нашёл кучу фильмов про мужчин, вот тогда все и узнали.

Хан Вэй едва сдерживал Хань Вэньюя, но тут гаркнул:

— Заткнись! Чем больше болтаешь, тем быстрее умрёшь.

Он повернулся к Сунь Юю:

— Эй, быстро помоги мне его удержать.

Сунь Юй сначала стоял столбом, но услышав это, подбежал и схватил Хань Вэньюя за руку, помогая Хан Вэю оттащить его назад. Сам он думал: «Господи, какая необычная ориентация, ну и круто же».

Сюй Син один стоял на месте, погружённый в задумчивость. Его лицо полностью изменилось, он больше не мог сохранять вид главного авторитета, выглядел полным идиотом.

Но, несмотря на шок, нужно было разобраться.

Сюй Син спросил Му Ихэна, почему он наговорил, что смерть родителей Чэнь Ли — это его вина.

Му Ихэн, дрожа от страха перед бешеным Хань Вэньюем, боясь, что его сейчас изобьют, с трудом объяснял:

— Я не придумал это, в школе все так говорили. Говорили, что когда раскрылось, что Чэнь Ли любит мужчин, парни в классе начали его травить. Он долго не ходил в школу, учителя вызвали родителей, они поехали его искать и попали в аварию. Так что все говорят, что родители умерли из-за него.

Услышав это, Хань Вэньюй разозлился ещё сильнее, чуть не превратившись в оборотня, с яростью крича:

— К чёрту эту собачью чушь! По твоей логике, если я тебя сегодня убью, это не моя вина, раз ты сам наболтал и я тебя нашёл? Сам виноват, что своей пиздой на смерть напросился!

Он вырывался:

— Не держите меня!

Затем он посмотрел на Му Ихэна:

— Иди сюда, дай я тебя убью!

Пока Хан Вэй и Сунь Юй удерживали Хань Вэньюя, а Сюй Син стоял в задумчивости, Му Ихэн, пользуясь моментом, схватил рюкзак и сиганул прочь. Стоило ему выйти из переулка, как он мигом исчез.

Когда Му Ихэн сбежал, ярость Хань Вэньюя улеглась. Он с лицом грозного главари, полного гнева, холодно фыркнул:

— Больше не показывайся мне на глаза, увижу — каждый раз буду избивать.

Он поднял голову и увидел, как Сюй Син молча выкатил велосипед из угла и направился к выходу.

— Сюй Син? — окликнул Сунь Юй. — Ты уже уходишь?

Сюй Син не обернулся, молча показав троим спину, и махнул рукой:

— Поздно уже, я пошёл. Вы тоже возвращайтесь пораньше.

С этими словами он нажал на педали и под смешки и насмешки тихо уехал.

Так инцидент с засадой окончился из-за припадка бешенства Хань Вэньюя.

Сюй Син ехал домой с безразличным лицом. Около ларька недалеко от дома он остановился, купил бутылку колы и выпил.

Поставив велосипед, он допил колу и бросил бутылку в мусорный бак, глубоко вздохнув:

«Блять, наконец-то отошёл».

Узнав, что брат голубой, надо было выпить колы, чтобы успокоиться.

Сюй Син не спешил уходить, ларёк ещё работал. Он стоял у входа, засунув руки в карманы, и дул на ночном ветерке, чтобы привести мысли в порядок.

Тьфу, если его брат-неформал любит мужчин, то ладно, пусть сплетничают, просто ученики школы А пускают газы. А если это правда... Эх, жаль триллионов через десять лет, некому наследовать, и нет красотки с длинными ногами и большой грудью, чтобы помогать их тратить. Какая жалость.

Дома родители Сюя уже спали. Чэнь Ли только что помылся, снова в одних плавках, с мокрыми волосами.

Увидев Сюй Сина, он вошёл, кинул ему полотенце и сел к столу, широко расставив ноги, ожидая, что Сюй Син, как обычно, вытрет ему волосы.

Сюй Син посмотрел на полотенце в руке, потом на голую спину и длинные ноги Чэнь Ли — ему было неприлично это делать.

Он кинул полотенце на голову Чэнь Ли и между делом сказал:

— Сам вытри.

Чэнь Ли даже не шелохнулся, сидел скрестив руки на груди, явно ожидая, что Сюй Син сам подойдёт и вытрет ему волосы.

Сюй Син повернулся к шкафу за одеждой, увидел, что Чэнь Ли всё ждёт, и снова тихо сказал:

— Сам вытри.

Чэнь Ли с важным видом, глядя в потолок, буркнул:

— С какой стати?

Сюй Син:

— Есть руки — вытри сам.

Чэнь Ли фыркнул, как само собой разумеющееся:

— Ты уж так давно это делаешь, у тебя лучше получается. Давай ты.

Сюй Син внутренне застонал: «Брат, это раньше я не знал, что ты любишь мужиков. Знай я это, ни за что бы не стал тебе волосы вытирать. Ты мужик, я мужик, ты после бани в одних трусах, а я подойду к тебе сзади и буду вытирать волосы. Вдруг от трения искра любви проскочит, что тогда делать?»

— Сам вытри, — бесчувственно отказал Сюй Син, повернулся, взял одежду и пошёл в ванную.

В ванной он положил одежду на полку и начал раздеваться, но подняв голову, увидел своё лицо в ещё запотевшем зеркале.

Сюй Син застыл, задрал рубашку, и смотрел на своё отражение. Раньше он знал, что пошёл в отца, Сюй Чжэна, и выглядит неплохо, но теперь, взглядевшись в зеркало, убедился: нос как нос, глаза как глаза, особенно глазки — большие и выразительные.

Так и стоя, Сюй Син подошёл к зеркалу ближе, стал внимательно разглядывать своё лицо, невольно потрогал подбородок: «Эх, беда, такое красивое лицо, а брат-неформал ещё и гей. Что если он не удержится? Приходится за него переживать».

Но подумав, Сюй Син почувствовал, что что-то не так, и только начав одеваться после душа, вдруг сообразил:

«Нахера? Чего я переживаю за Чэнь Ли? Если Чэнь Ли не удержится, то переживать-то надо мне, да?»

С этой мыслью он посмотрел на мыло на полке.

Сюй Син: «...»

—

На следующее утро в школе Хань Вэньйой сам не пошёл на утреннюю зарядку, но затащил Сюй

Сина и остальных на совещание.

Прошла ночь, и Хань Вэньюй, сделав выводы, сказал:

— Я подумал, неважно, врёт ли тот Му Ихэн, насчёт Чэнь Ли... cough, этого дела, мы будем делать вид, что ничего не знаем, и никто не должен болтать на стороне.

Хан Вэй сделал вид, что «он любит своих мужиков, а я своих девушек», и заявил, что это его не касается, с Чэнь Ли он не дружит и в чужие дела не лезет.

Сунь Юй тоже кивнул:

— Такое дело действительно не стоит распространять, влияние плохое.

Все трое посмотрели на Сюй Сина. Он тоже кивнул:

— Буду считать, что не знаю.

Но когда после зарядки Чэнь Ли вернулся в класс, Сюй Син заметил, что поведение Хань Вэньюй и компании было слишком натянутым. Особенно Хань Вэньюй — лицо у него было такое, будто написано: «Я реально не знаю, я ничего не знаю, хоть убейте».

Чэнь Ли скользнул взглядом по Хань Вэньюй, фыркнул, решив, что у него просто паранойя, и встал идти в кабинет к Лю Ситун.

В кабинете классного руководителя других учителей не было. Лю Ситун позвала Чэнь Ли, даже стул принесла, усадила, и только тогда улыбнулась:

— Дело в том, что я тебя вызвала, потому что школа недавно получила спонсорскую помощь от предпринимателей, создали стипендиальный фонд. Каждый год есть квоты, для выпускников сумма самая большая. Стипендия также связана с баллами ЕГЭ: чем выше балл, тем больше денег, можно покрыть расходы на обучение в универе. В нашем классе две квоты, я тебя рекомендовала.

Сначала Чэнь Ли промолчал, потом спокойно ответил:

— Учитель, вы можете отдать квоту тому, кому она нужнее. Мне не надо.

<http://bllate.org/book/16663/1527870>